

Моск. новости. - 1998. - 29 марта. - с. 15.

Век, уходя, забирает своих. Только у нас за полгода —
Рихтер, Свиридов. Теперь — Уланова...

За эти дни, кажется, о ней было сказано все, что возможно, — «обыкновенная богиня» и выдающийся педагог, символ века и великая молчаливица, великая актриса. Вспомнили образы и знаки эпохи, связанные с ней: Вагановское, Кировский, переход в Большой, простреленную фотографию Жизели во фронтовой землянке, первые гастроли Большого с пробезской-полетом Джульетты, прижизненные памятки в Питере и Стокгольме. Феномен «Большого балета» в глазах всего мира во многом был сотворен именно этой хрупкой «боттичеллиевской девушкой».

Так назвал Уланову один из ее первых учеников, Владимир Васильев. В день ее смерти руководитель Большого собрал журналистов и сорванным голосом рассказывал о ней. Люди, в большинстве не видевшие Уланову на сцене, согласно-удрученно кивали; но, когда Васильев начал говорить о последних днях Улановой — о том, что, пережив два инсульта один за другим, за несколько дней до ухода великая балерина обсуждала с ним новую работу, — можно было по-настоящему понять, кто ушел.

Будет создан Фонд Улановой, а в новом здании Большого будет зал, названный ее именем... Но что-то ушло с ней навсегда.

С трудом верится, что кто-либо из сегодняшних звезд в восемьдесят восемь лет будет сокрушаться: «Мне очень неловко, что я получаю зарплату и не могу быть в театре». Негласный титул «совесть русского балета», которым наделили Уланову коллеги, также по наследству не передается. Но главное — с ней ушло одно из самых прекрасных явлений века: советский драматический балет. Михаил Лавровский рассказал, как на первых зарубежных гастролях Большого в Англии после представления «Ромео и Джульетты» в постановке Леонида Лавровского несколько минут стояла гробовая тишина. Все замерло в предчувствии провала... После того как обрушился шквал оваций и все встало на свои места, еще многие годы на вопрос об успехе гастролей артисты Большого отвечали: «Все прошло, как «Ромео»».

Великая русская балерина говорила очень мало и по возможности старалась обходить общественную жизнь. Она и ушла тихо, когда в Большом не было практически никого из балетных: все на гастролях... В среду те, кто любил ее, придут в Большой и скажут всего три слова: — Прощайте, Галина Сергеевна...

Ушла Уланова

От нас ушла великая балерина, которую мир назвал гениальной. Она была действительно неповторима. Как, например, Тальони. Может быть, на протяжении веков не будет балерины, равной Улановой.

Я думаю, что о нашем веке будут говорить как о времени великих достижений: Гагарин, Королев, Курчатов, Калашников. Но на скрижалях истории золотыми буквами обязательно будет написано имя Галины Улановой, потому что это наша эпоха дала такой удивительный человеческий дар.

В обычном разговоре нам бывает интересно слушать собеседника, если свои мысли на интересующую нас тему он излагает хорошим русским языком. Но вот Уланова говорила на сцене только тем языком, который соответствовал теме ее образа. Ни жест, ни поворот головы не выходили из образа, который она несла с собой на сцену. Сейчас по телевизору показывают ее пролог в «Ромео и Джульетте», помните, она бежит по веронской стене, удивительно бежит, говорят, будто она бежит на пуантах, но это неправда, она бежит человеческим шагом, она бежит Джульеттой, ее ведет любовь, и никакие пальцы, никакие пуанты ей просто не нужны. Она была удивительно человеческой балериной. Величайшей балериной и величайшим человеком.

Последние два года мы были с ней очень близки. Она была одинока, ушли все, кто окружал ее добром и любовью. Мы с ней подолгу разговаривали. Я даже записывала то, что она мне говорила. Это была поразительная душа. Необыкновенной теплоты и удивительной наблюдательности. Она умела видеть и жизнь, и сцену, и людей.

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ